

ПАРИЖСКИЙ ДЕТЕКТИВ

МАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ
«Властитель женских душ»

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИНИНА
«Мышеловка для кошки»

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИПВИНОВЫ
«Покапта ре-минор»

МАТЬЯНА
ШАХМАПОВА
«Сена выпекает из бедра ангела»

МАРИЯ
БРИКЕР
«Уик-энд в Париже»

АННА
ДАНИЛОВА
«Призраки Ренуара»

ИННА
БАЧИНСКАЯ
«Столкновение»

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Разработка серийного оформления *Е. Окольциной*

Редактор серии *А. Антонова*

П18 Парижский детектив : сборник рассказов. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Французский
шарм. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-105429-8

Париж! При упоминании французской столицы начинает чаще биться сердце. Все мечтают увидеть Париж и... Дальше возможны варианты. Герои остросюжетных рассказов Татьяны Гармаш-Роффе, Анны и Сергея Литвиновых, Анны Даниловой и других популярных писателей видят не только открыточную красоту этого города, но и его настоящую жизнь. Тем, кто уже побывал в Париже, будет приятно вновь окунуться в его волшебную атмосферу, а те, кто только мечтает туда поехать, словно побывают в городе своей мечты.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105429-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ТАТЬЯНА ГАРМАШ-РОФФЕ

ВЛАСТИТЕЛЬ ЖЕНСКИХ ДУШ

Герметичный детектив

Если бы случайному прохожему выпала честь попасть за высокие ворота усадьбы Жана-Франсуа де Ларю, он непременно бы решил, что потерялся в веках. Сначала ему пришлось бы пройти через розарий, поражающий буйством всех оттенков красного, от почти черного, цвета свернувшейся крови, до алого. Кусты разнились по высоте, и создавалось впечатление, что их одуряющая волна набегала на узкую, вымощенную плитами дорожку. Слева и справа розарий огибали мощенные булыжником дороги, предназначенные для машин.

Миновав розарий, случайный прохожий вышел бы на просторную площадку (если не сказать площадь) перед старинным особняком. Две лестницы из розового мрамора обрамляли чашу фонтана и вели к портику с тремя колоннами, тоже из розового мрамора.

Особняк был старинным, это точно. К какой эпохе его отнести, наш прохожий затруднился

бы сказать, только если бы не оказался знатоком архитектурных стилей. Да и какая разница! Дух прошлых веков царил во всем. Даже в правом крыле, где находился гараж машин на пять как минимум. Пусть раньше в нем размещались кареты, не так уж важно; зато чего стоит один только этот парень в униформе с золотыми пуговицами, современный такой конюх, отмывающий до блеска современную «лошадку», нагло-красный «Порше»-кабриолет!

А уж если бы нашему прохожему довелось попасть в дом, то он бы точно потерялся во времени: узорчатый старинный паркет, роскошные бронзовые статуи-светильники, драгоценные вазы по углам, гобелены и картины на стенах...

К счастью для нашего прохожего, его впечатлительность понести никакого ущерба не рисковала, поскольку во владения Жана-Франсуа де Ларю он попасть никак не мог. Еще десятью годами раньше их рьяно охранял сторож, а ныне его заменила электроника.

Так что забудем про прохожего.

Мелани ненавидела запах роз. И сами розы ненавидела. И дом ненавидела. И мрамор, и все эти вазы, светильники, с которых так трудно стирать пыль, во всех их выпуклостях и впуклостях. И хозяйина она ненавидела. И хозяйку.

Хозяин был жмотом. Две недели назад Мелани попросила его о прибавке к жалованью:

две с половиной тысячи евро в месяц, разве это деньги?¹

Но он, гад, ответил: «Вы забыли посчитать, Мелани, что вы живете в моем доме, за что денег не платите, и питаетесь в нем же. Жилье и еда — это основные статьи расходов любого человека. Так что две с половиной тысячи вам остаются на кружевное белье. Неужели вы действительно находите, что этого мало?»

Как же Мелани его ненавидела!!! Всей своей пролетарской душой. Ведь у него-то не две с половиной, а двести с половиной в месяц (Мелани почему-то так считала, хотя хозяин никогда не обсуждал свои доходы ни с кем) — ну чего бы ему не отстегнуть своей горничной хоть пять тысяч, спрашивается?!

Что же до хозяйки, то тут дела обстояли еще хуже. Красивая пустоголовая куколка, она даже не замечала Мелани. Хозяин, тот хоть и жмот, а все же иногда расспрашивал горничную о родителях, о брате... А эта мимо проходила, словно Мелани была вазой. Или картиной на стенке, которая уже сто лет как примелькалась, и на нее больше не смотрят...

Красивые женщины не бывают умными, считала Мелани. А умные, увы, не бывают красивыми... как она сама, Мелани.

---

¹Это очень высокая зарплата для домработницы. (Прим. автора.)

Садовник, Этьен, страстно любил розы. Эти дивные творения природы и человеческой изобретательности являлись воплощением красоты и женственности. Они были столь же прелестны, сколь капризны; им требовались внимание и уход, иначе они хирели, болели и умирали. Но розы намного превосходили женщин в одном замечательном качестве: они умели быть благодарными за внимание и уход. Вот почему всю жизнь Этьен предпочитал иметь дело всерьез с цветами, а не с женщинами. Они не изящны, не утонченны — они грубые и практичные существа, причем страшно занудные... Как его жена, с которой он развелся восемь лет тому назад.

Если бы весь этот так называемый «прекрасный пол» был действительно прекрасен, как его цветы! Или вот как хозяйка, Марион, — нежная, грациозная, всегда веселая, приветливая...

Хозяин, Жан-Франсуа, Этьену ровесник: пятьдесят шесть. Возраст, когда мужской силы еще много, но при этом опыт делает мужчину особенно разборчивым и взыскательным... И он, Этьен, понимал удивление патрона этой дивной розой, Марион. Ее аромат не сравнить ни с одним цветком из его розария: как бы ни были прелестны его розы, Марион еще прелестнее.

Он завидовал хозяину. Конечно, он понимал, что никогда бы не смог дать подобному цветку надлежащего ухода — не по карману ему... Хоть телом Этьен куда стройнее патрона, сильнее, му-

скулистее. Он сумел бы ублажить Марион, которая на двадцать три года моложе! И заботился бы о ней... Бабла у него, конечно, не так много, как у хозяина, но, боже милостивый, хватило бы, чтобы купить ей лучшие тряпки! Он в цене, садовник Этьен. Жан-Франсуа платит ему хорошие деньги, а если что, то Этьен к другому уйдет: его уже не раз пытались переманить! С большей зарплатой!

До сих пор он оставался верен хозяину: холостяку не так уж много нужно. Тем более что хозяин обещал отписать всем своим работникам по проценту от имущества в завещании. А имущество у него такое, что и один жалкий процент — это целое состояние! Между прочим, жест весьма щедрый: помножить на пять верных слуг — так уже пять процентов выходит! Остальное красоточке достанется, Марион. Да и племяннику, наверное, секретарю. Конечно, хозяину после смерти все равно будет, кому чего достанется, но другие богачи таких жестов не делают, Этьен это точно знал. Так что патрон у него хоть и не расточительный, но щедрый.

С другой стороны, Этьен ведь ровесник хозяину, и в этом смысле надеяться на то, что он дождетя завещания... Впрочем, здоровье Жана-Франсуа оставляло желать лучшего — не то что у Этьена! Садовник проводил свои дни на свежем воздухе, занятый физической работой (чувствуете разницу?!), тогда как хозяин все

больше в кабинете своем сидел, запершись: романы ваял. Расходились они огромными тиражами, откуда у него и такие бешеные доходы. Этьен попробовал почитать один — еле отплевался: все какие-то сентиментальные сопли, рассчитанные на дамочек! Разве уважающий себя мужчина станет писать розовую воду? Тьфу!

Но нет, Жан-Франсуа писал их без зазрения совести. Говорил, посмеиваясь: «Женщинам нужна мечта, и я им ее дарю!» Своей-то жене, Марион, он не мечты дарил, а весьма осязаемую роскошь...

Интересно, любит ли она это вялое существо с вялыми мышцами, нагло врущее в своих книжках дурам-читательницам? Или вышла замуж за его денежки? С виду вроде как любит. Так то с виду... Женщины большие мастерицы любовь изображать. Жена Этьена тоже изображала, пока они женихались...

Кристиан, «вуатюрье»¹, машинный конюх и возчик, был нечувствителен к аромату, доносившемуся от розария. Он воспринимал лишь запахи бензина, резины, масла. Он только по ним, казалось, мог обнаружить неполадку в одной из вверенных ему машин.

Хозяин неизменно ценил его дар, и всегда с ним разговаривал о машинах, и спрашивал сове-

---

¹«Ву а т ю р» — это машина. Стало быть, «вуатюрье» — это тот, кто занимается машинами. (Прим. автора.)

та, если что-то вдруг барахлило. И руль доверял только Кристиану. Как-то случилось ему приболеть, так писатель два дня никуда не выезжал и от любой замены своему шоферу отказывался!

А Марион... Что с нее взять, баба и есть баба: никакого понятия! Вот давеча сказала: «Педадь плохо нажимается». А под педалью — обертка от мороженого! Ну что с бабы взять? Одно только — полюбоваться на нее недолго, пока она на тачке выезжает...

Впрочем, Кристиан больше любовался тачкой, чем женщиной.

Хотя такая женщина, как Марион... Она была, разумеется, ничем не лучше других баб, но только немыслимо красива. Урождаются же такие на свет, откуда только и берутся... Казалось, не от людей родилась, а прямо из мастерской бога спустилась на землю!

Она мешала Кристиану. Она отвлекала его от машин. Она ставила под сомнение его страсть к авто. Она опрокидывала его представления о правильном мироустройстве!

Он ненавидел ее за это. И безумно желал. Ему мерещилось, что если он однажды овладеет этой красоткой, то удовлетворит свою неправильную страсть и тогда сможет с чистой душой, без примеси предательства, вернуться к автомобилям...

Но овладеть Марион он никак не мог. Она принадлежала хозяину.

И он хозяина за это ненавидел.

Еще в доме наличествовали двое мужчин: секретарь и повар. Повар, Жак, был совершенно безразличен к чарам прелестной Марион: ему отбивная из телятины казалась верхом совершенства, изобретенный им соус куда как превосходил по аромату хоть розарий, хоть женщину!

Секретарь же, молодой человек по имени Фредерик, был влюблен в Марион. Однако меру знал: хозяин, Жан-Франсуа, приходился ему дядей, который подобрал юношу, когда скончался его отец (брат писателя), дал ему хорошо оплачиваемое место секретаря, кров и стол. И в завещании обещал облагодетельствовать.

Фредерик был ему бесконечно благодарен за это. Но все равно любил Марион, отчего страдал. Хотя все домашние над ним, романтичным, немножко подсмеивались, так как чувств своих противоречивых он, как ни старался, скрывать не умел...

И, для завершения картины, в дом была вхожа еще одна женщина, Элоди. Она, в отличие от Мелани, являвшейся горничной, — то есть имевшей доступ в личные апартаменты хозяина и его молодой жены, — приходила для так называемой «грязной уборки». То есть она мыла посуду на кухне (крупногабаритные кастрюли и сковороды, которые не влезали в посудомоечную машину), чистила плиту и духовку. На ней же лежала ответственность за уборку в служебных по-

мещениях, как то: кухня, кладовки, прачечная, крыльцо, лестницы. Оно понятно: Мелани одной не справиться с этим огромным домом. Она и так проводит весь рабочий день в заботах о нем.

Элоди не испытывала вообще никаких чувств к хозяевам. Ей было глубоко наплевать на писателя (книжек, любых, она сроду не читала), равно как и на его неприлично молодую красавицу-жену. Элоди деловито выполняла свои обязанности и торопилась уйти домой, где ее ждали муж и внуки, подкинутые детьми. Что сын, что дочь, они особой щепетильностью в этом вопросе не отличались, и Элоди постоянно оказывалась с внучатыми младенцами на руках.

Иными словами, у нее было столь много личной жизни, что чужая ее не интересовала. Разве только обещание хозяина завещать всей своей челяди по одному проценту с имущества... Это грозило вылиться в немалые деньги. Которые всегда нужны, не так ли? Впрочем, пока это он еще помрет... Может статься, что Элоди раньше его покинет этот мир!

Вот бы затрахала его молодая жена! Раз — и инфаркт в постели! А что, такое часто случается...

Этот день начинался так же, как другие.

Жан-Франсуа, как обычно, заперся в своем кабинете в девять утра, после легкого завтрака и душа. Теперь он будет ваять свой шедевр до часу дня, это знали все. Расписание давно устоялось и повторялось без отклонений из года в год. Даже с

появлением в доме Марион, уже десять месяцев тому, привычки хозяина не изменились.

К часу дня Элоди должна была закончить свою работу и отбыть восвояси: писатель не любил, когда в доме мельтешило много людей.

А Мелани должна к этому времени завершить уборку внизу, поскольку все эти драгоценные вещи доверяли только ей! Элоди не имела права даже пыль смахнуть с ламп — она не заслужила доверия в столь тонких материях! Но Мелани надлежало управиться на первом этаже к моменту выхода хозяина из кабинета (располагавшегося тоже внизу), после чего перейти к уборке наверху, с глаз долой. Хозяин, видите ли, не выносит, когда перед его глазами мотается горничная!

К садовнику Этьену, равно как и к Кристиану, «каретнику», эти условия не имели отношения. У них был свой распорядок, связанный с работой во дворе — никак не с расписанием хозяина.

Зато повара, Жака, это расписание касалось напрямую: в тринадцать ноль-ноль он должен подать обед. Или «ланч», как иногда называл хозяин обед этим английским словом.

Фредерика, секретаря, оно тоже касалось. «Великий писатель» имел обыкновение надиктовывать свои тексты — писать их он гнушался, — и Фредерик должен был править то, что печатала компьютерная программа распознавания голоса. А программа эта — полная дура! Отчего Фреде-

рик тратил уйму времени, приводя текст хозяина в читабельный вид... Но к моменту выхода хозяина из кабинета ему следовало оторваться от работы и составить компанию Жану-Франсуа за ланчем.

Что же до Марион, то она с утра пораньше уже порхала по бутикам и салонам красоты. Но тоже считала своим долгом присоединиться к супругу на ланч. Так что вот-вот должна была появиться. Обитатели дома, как обычно, проводят глазами ее и предадутся мыслям — каждый своим...

В час дня Фредерик вышел из своего кабинета на втором этаже, потягиваясь и потирая глаза, уставшие от считывания текста на экране компьютера. Спустился вниз. Жан-Франсуа еще не появлялся, и Фредерик, пройдя через столовую, мимо накрытого к обеду стола, отправился на кухню, во владения Жака, где попросил у повара чашку кофе. Получив ее, он уселся на табурет, попивая маленькими глотками горький напиток (подслащенный кофе он не терпел, считая его полным извращением самой идеи кофе).

Минут через десять прилетела Марион. Красивая, оживленная, румяная. Светло-каштановые волосы подобраны и небрежно заколоты, выбившиеся пряди струятся по гибкой шее — картинка!

— Жан-Франсуа еще не выходил?

— Пока нет.